

ВИЗАНТІЙСКІЙ ГРОЗНЫЙ.

Занимаясь изученіемъ характера Іоанна Грознаго, а равно и душевной жизни этого царя, я поневолѣ долженъ былъ болѣе или менѣе внимательно остановиться на жизни другихъ правителей государствъ, отличавшихся необыкновенною жестокостью и кровожадностью.

При этомъ я встрѣтился съ одною царственною личностью, которая, по свойствамъ своего характера, а также и по многимъ обстоятельствамъ жизни, напоминала или, точнѣе, предображала жизнь и дѣянія нашего царя Іоанна Грознаго. Эта личность была царь Андроникъ Комнинъ.

Родословную Андроника мы начнемъ съ его дѣда, византій-

скаго царя Алексѣя. Алексѣй имѣлъ трехъ сыновей, изъ которыхъ для насъ болѣе интересны имена старшаго — Іоанна и второго Исаака, — и четырехъ дочерей. По праву престолонаслѣдія, по смерти Алексѣя, власть должна была перейти въ руки старшаго сына Іоанна. Такъ того хотѣлъ и отецъ. Но мать не любила сыновей, особенно-же Іоанна, и всѣми силами старалась передать царскую власть въ руки своей любимицы, старшей дочери, Анны. Для этого она не стѣснялась въ наговорахъ своему мужу на Іоанна. Она называла его безразсуднымъ, изнѣженнымъ, легкомысленнымъ и явно тупымъ. Ея вымысламъ и клеветамъ на сына не было конца. Тѣмъ не менѣе, по смерти отца и съ его соизволенія, престолъ наслѣдовалъ Іоаннъ, причемъ ему много помогаль братъ его Исаакъ.

Исаакъ одаренъ былъ истинно царскою наружностью: онъ былъ высокаго роста, статный и красивый, отличался храбростью и воинскими дарованіями. Несмотря на

то, что онъ помогаль брату въ достиженіи престола, они скоро поссорились, и Исаакъ долженъ былъ бѣжать изъ предѣловъ римской имперіи и переходить отъ владѣтеля къ владѣтелю, ища пристанища.

У Іоанна было четыре сына: Алексѣй, Андроникъ, Исаакъ и Мануилъ. Алексѣй и Андроникъ скоро умерли и престолъ долженъ былъ перейти къ Исааку, но Іоаннъ предпочелъ ему Мануила, и, по смерти отца, дѣйствительно воцарился Мануилъ.

У брата Іоанна, Исаака, былъ сынъ Андроникъ, о которомъ у насъ и будетъ рѣчь впереди.

Такимъ образомъ царь Мануилъ и Андроникъ происходили отъ родныхъ братьевъ и состояли двоюродными братьями.

Андроникъ унаслѣдовалъ отъ отца какъ его красивую наружность, такъ и беспокойный, пытливый и мятежный умъ. О его наружности Никита Хоніатъ *)

*) *Никита Хоніатъ*. Византійскіе историки. 1860.

говорить слѣдующее: При прекрасномъ тѣлосложеніи, онъ имѣлъ завидную наружность. Станъ у него былъ прямой; ростъ величественный, лицо, даже въ глубокой старости, моложавое. Онъ былъ необыкновенно здоровый человѣкъ, потому-что чуждался изысканныхъ лакомствъ, не былъ ни обжора, ни пьяница.

Отецъ Мануила, Іоаннъ, умеръ въ Константинополѣ, въ походѣ въ Сирію. Въ то время въ Константинополѣ оставался Исаакъ, старшій братъ Мануила. Царь Іоаннъ, какъ мы знаемъ, передалъ престолъ не старшему сыну, Исааку, а младшему, Мануилу. При такомъ положеніи дѣла, Мануилу надлежало прійти въ Константинополь и лишить брата возможности восшествія на престолъ раньше, чѣмъ Исаакъ узнаетъ о смерти отца. Поэтому Мануиль отправился изъ лагеря отца въ Константинополь съ поспѣшностью, которая могла-бы опередить молву о смерти царя Іоанна.

Въ этомъ шествіи, въ числѣ членовъ свиты Мануила нахо-

дился и Андроникъ. Здѣсь мы встрѣчаемся въ первый разъ съ его личностью, по повѣствованію Никиты Хоніата. Приэтомъ съ Андроникомъ приключилось слѣдующее происшествіе. Андроникъ, совмѣстно съ нѣкоторыми другими членами свиты, захотѣлъ поохотиться на звѣрей и для этого уклонился въ сторону отъ намѣченнаго пути. За такое неумѣстное проявленіе жажды удовольствія, Андроникъ достойно былъ наказанъ, попавъ въ плѣнъ къ персамъ, причемъ былъ отведенъ къ правителю Иконіи Масуту. Мануилу было не до Андроника въ эту пору. Ему нужно было спѣшить въ Константинополь, если онъ не желалъ потерять престолъ. Впослѣдствіи, однако, когда Мануиль утвердился на престолѣ, Андроникъ былъ отпущенъ изъ плѣна не только безъ войны, но и безъ выкупа.

Не долго, однако, Андроникъ пользовался свободою. Вскорѣ онъ попалъ въ новый плѣнъ, но только уже на родинѣ: по приказанію

Мануила, онъ былъ схваченъ и заключенъ въ тюрьму.

Причинами его заключенія служили: его воинскія доблести, необузданный характеръ и невоздержный языкъ. Андроникъ обладалъ необыкновенной силой, прекрасной наружностью, царскимъ происхожденіемъ, военнымъ искусствомъ и неукротимой энергіей, — «все это, по словамъ Хоніата, такія качества, на которыя государи, изъ опасенія лишиться царства, обыкновенно смотрѣли тревожно и которыя кололи имъ въ самое сердце».

Кромѣ того, у Мануила былъ и еще поводъ быть недовольнымъ Андроникомъ. Дѣло въ томъ, что царь Мануилъ жилъ явно и открыто въ преступной связи съ дочерью своего родного брата. Андроникъ тоже явно и открыто жилъ со своею близкою родственницей Евдокіей. Когда-же Андроника укоряли въ этой незаконной связи, то, въ оправданіе себя, онъ всегда ссыался на примѣръ царя. Онъ отвѣчалъ не безъ ѣдкой насмѣшки, что истинно-

вѣрноподанные царя всегда и во всемъ должны ему слѣдовать, — поэтому и онъ рѣшилъ быть вѣрныхъ подражателемъ своему повелителю. Кромѣ того, говорилъ Андроникъ, «люди одной и той же крови всегда бываютъ похожи другъ на друга».

Подобныя злыя шутки очень не нравились Мануилу, а родныхъ Евгеніи онѣ доводили до ярости, особенно же брата ея Иоанна. Естественно послѣ этого, что противъ Андроника строили много ковъ, и тайныхъ, и явныхъ; но Андроникъ, благодаря своему мужеству и уму, «которымъ онъ превосходилъ своихъ противниковъ, насколько безсловесныя животныя ниже существъ разумныхъ, — уничтожалъ эти ковы, какъ нити паутины, и разсѣвалъ, какъ дѣтскія забавы на песокъ». Не разъ случалось, что враги Андроника нападали на него открытою силою, но онъ оставался всегда побѣдителемъ.

Слухи объ этомъ очень беспокоили Мануила, а непосредственно доходившія до него клеветы

постепенно погашали въ душѣ его добрыя чувства къ Андронику и способствовали къ принятію за истину всего того, что доходило до его ушей. «Несовсѣмъ напрасно, думалъ царь, ходитъ молва и недаромъ всюду распространяется объ Андроникѣ слухъ, какъ о человѣкѣ надменномъ и домогающемся царства».

Такъ, мало-по-малу распаленный, Мануиль рѣшилъ устранить Андроника изъ общества. Онъ засажень былъ въ темницу и заключень въ крѣпкія и несокрушимыя оковы.

Однако, обладая находчивымъ и изворотливымъ умомъ, Андроникъ нашолся и здѣсь. Въ темницѣ былъ подземный ходъ, и черезъ этотъ ходъ Андроникъ бѣжалъ. Но бѣжать изъ темницы не значило бѣжать изъ предѣловъ царства Мануила, поэтому бѣгство нужно было обставить такъ, чтобы не быть немедленно изловленнымъ.

Образовавъ въ подземномъ ходѣ входное и выходное отверстіе, Андроникъ такъ ихъ задѣлалъ, что

для непривычнаго глаза они остались совершенно незамѣтными; самъ-же онъ не вышелъ изъ этого хода, а только спрятался въ немъ.

Испуганная и совершенно обезумѣвшая отъ страха стража донесла, кому надлежить, о бѣгствѣ заключеннаго. Какъ и слѣдовало ожидать, поднялись отчаянные поиски бѣглеца. Одни были отправлены стеречь приморскія ворота, а другимъ приказано было наблюдать за воротами земляными; одни осматривали пристани,—другіе искали Андроника въ сокровенныхъ частяхъ города. Ни улицы, ни перекрестки не были оставлены безъ осмотра и наблюденія. Въ то же время разосланы были царскія грамоты по всѣмъ провинціямъ съ приказаніемъ пойманнаго Андроника немедленно доставить въ Константинополь.

Считая Евдокію участницей бѣгства Андроника, Мануиль приказалъ засадить ее въ ту самую темницу, въ которой сидѣлъ Андроникъ, дабы она познала всю тяжесть заключенія и понесла на-

казаніе за любовь къ Андронику и за то, что склонила его къ побѣгу.

А Андроникъ все это время спокойно сидѣлъ въ подземельѣ.

Узнавъ, что жена сидитъ въ прежней его клѣткѣ, Андроникъ рѣшилъ появиться къ ней. Можно себѣ представить ужасъ жены! Диво-ли, что она приняла его за демона изъ преисподней, или за тѣнь изъ царства мертвыхъ?

Все, однако, успокоилось. Андроникъ и Евдокія зажили въ тюрьмѣ мирною жизнью, и плодомъ этого сожителства явился сынъ Іоаннъ.

Когда такимъ образомъ Андроникъ въ государствѣ былъ признанъ безъ вѣсти пропавшимъ и первый пылъ розысковъ поохладѣлъ, Андроникъ рѣшилъ бѣжать изъ заключенія въ подземельи и очень удачно выполнилъ свое предпріятіе. Но вскорѣ онъ былъ пойманъ, засаженъ въ темницу, заключенъ въ двойные кандалы и отданъ подъ строжайшій надзоръ.

Надоѣло, однако, Андронику,

сидѣть въ тюрьмѣ, и онъ бѣжалъ вновѣ. И въ этомъ бѣгствѣ, какъ въ прежнемъ, проявился чрезвычайно изворотливый и находчивый умъ Андроника. Прежде всего онъ притворился больнымъ. Его перевели въ больницу. На счастье ему попался слуга-иностранецъ, котораго онъ успѣлъ подкупить. Доставъ ключъ отъ выхода, онъ бѣжалъ изъ заключенія и три дня хоронился въ травѣ двора, тогда-какъ его рьяно искали въ городѣ и его окрестностяхъ. Когда-же пылъ сыскной горячки охладѣлъ, то Андроникъ спустился на берегъ моря, гдѣ его, по заранѣе условленному уговору, ждала лодка. Все шло удачно и первая половина бѣгства была выполнена вполнѣ успѣшно.

Попавъ въ лодку, бѣглець пустился въ море. На бѣду, византійская морская стража была бдительнѣе современной полиціи. Замѣтивъ лодку, она ее окликнула, а затѣмъ и догнала. Бѣда не минута. Въ лодкѣ оказался бѣглый арестантъ, да еще въ оковахъ. Однако, хитрый Андроникъ и на

этотъ разъ оказался достойнымъ себя. Онъ прикидывается плѣннымъ рабомъ, плохо даже понимающимъ греческій языкъ. Онъ молитъ Христомъ-Богомъ стражу не губить его. Онъ проситъ отпустить его, такъ-какъ, по злобѣ хозяина, онъ и такъ ужъ много выстрадалъ въ тюрьмѣ. Стража смягчается и Андроникъ исчезаетъ.

Завернувъ на самое короткое время домой и запасшись всѣмъ необходимымъ, Андроникъ бѣжалъ изъ предѣловъ Византійской имперіи.

Однако, и на этотъ разъ его бѣгство было не вполне благополучно.

Андроникъ направилъ свой путь въ Галицу, «принадлежащую россамъ, которыхъ называли также иперборейскими скифами». На пути ему нужно было проходить мимо стражи влаховъ. Влахи, признавъ въ немъ Андроника и желая прислужиться Мануилу, схватили его и повели обратно въ Константинополь.

Тогда Андроникъ изобрѣтаетъ

новое средство къ бѣгству и спасенію. Онъ притворяется страдающимъ разстройствомъ желудка и постоянно останавливается на пути. Когда стемнѣло и стало трудно распозновать предметы, Андроникъ, остановившись, поставилъ палку, надѣлъ на нее шляпу и, оставивъ вмѣсто себя чучело, ушелъ по-добру по-здорову. Стража бросилась искать Андроника, но напала на ложный слѣдъ, давъ ему возможность бѣжать къ правителю Галицы, который принялъ его очень радушно.

Въ Галицѣ Андроникъ прожилъ довольно долгое время. Отсюда онъ предпринималъ многочисленные путешествія въ различныя дикія страны и, между прочимъ, достигъ Кіева. Здѣсь онъ дивилъ русскихъ своей силой и отвагой, пріобрѣлъ довѣріе князя и склонилъ его къ заключенію союза съ Византіей. Это обстоятельство, а также продолжительное отсутствіе Андроника, были Мануилу очень непріятны, тѣмъ болѣе, что носились слухи о собираніи Андроникомъ большой

скифской конницы съ намѣреніемъ вторгнуться въ византійскіе предѣлы. Поэтому Мануиль рѣшаетъ покончить съ Андроникомъ миромъ и пригласилъ его возвратиться на родину.

Примиреніе состоялось. Андроникъ возвратился.

Это примиреніе имѣло только относительное значеніе, и въ вопросахъ серьезной важности Андроникъ оставался самостоятельнымъ и независимымъ, хотя-бы это императору и не нравилось. Подобная независимость и неподчиненность у Андроника проявилась прежде всего въ вопросѣ о престолонаслѣдіи. У Мануила была одна дочь, бывшая замужемъ за венгерцемъ. Хотя Мануиль былъ женатъ вторично и могъ рассчитывать имѣть сына отъ второй жены, тѣмъ не менѣе онъ провозгласилъ наслѣдницей престола дочь свою, Марію, и на вѣрноподданичество ей потребовалъ присягу. Почти всѣ подданные приняли присягу; но Андроникъ и его единомышленники отказались дать присягу, какъ

потому, что царь могъ имѣть сыновей отъ второй жены, такъ и потому, что мужъ Маріи былъ не римлянинъ.

Желая имѣть подальше такого строптиваго и безпокойнаго человека, какъ Андроникъ, Мануиль послалъ его военачальникомъ въ Персію.

Несмотря на необыкновенную личную храбрость, а также на выдающіяся военныя способности и доблести, военные успѣхи Андроника на этотъ разъ шли очень не завидно. Причиною тому была любовь. Андроникъ влюбился въ Филиппу, родную сестру жены Мануила. Филиппа въ свою очередь отвѣчала ему страстью и, забывъ домъ и отечество, послѣдовала за своимъ любовникомъ. Дѣла войны были забыты. Началась игра въ любовь. Андроникъ перемѣнилъ щитъ, шлемъ и оружіе не роскошнѣйшіе наряды и блестящую свиту.

Расчеты Мануила на Андроника погибли, почему онъ страшно воспылалъ гнѣвомъ. Желая поразить Андроника въ самое серд-

це, Мануиль посылаетъ Константина Калатана военачальникомъ арміи и поручаетъ ему отбить у Андроника Филиппу. Однако, Калатанъ потерпѣлъ поражение у обоихъ непріятелей. Филиппа его отвергла и посмѣялась надъ нимъ, а персы захватили его въ плѣнъ.

Между тѣмъ Андроникъ, опасаясь попасть изъ объятій Филиппы въ цѣпи тюрьмы, бѣжалъ съ поля войны въ Іерусалимъ, гдѣ отдался политическимъ и любовнымъ интригамъ.

Теперь предметомъ своей любовной страсти онъ избралъ Θεодору, дочь двоюроднаго брата Исаака, старшаго брата Мануила. Эти любовныя похождения Андроника очень раздражали Мануила, и онъ всѣми способами старался захватить Андроника. Съ этою цѣлью онъ издалъ грамоты, въ которыхъ обвинялъ Андроника въ кровосмѣсительствѣ и злыхъ умыслахъ и приказывалъ, при поимкѣ, ослѣпить его. Но Андроникъ, умудренный опытомъ и испытанный въ подобнаго рода дѣлахъ, безъ труда избавился

отъ разставленныхъ ему Мануиломъ сѣтей.

Тогда Мануиль прибѣгаетъ къ хитрости. Онъ захватываетъ въ плѣнъ Θεодору и тѣмъ достигаетъ добровольнаго прибытія Андроника.

Андроникъ посылаетъ къ Мануилу пословъ просить у него прощенія во всѣхъ своихъ преступленіяхъ и ручательства, что, по своемъ прибытіи, онъ не потерпитъ никакой непріятности. Мануиль далъ свое соизволеніе на то и на другое, и Андроникъ возвратился въ Константинополь.

Такъ-какъ два льва въ одной клѣткѣ не могли содержаться, то Андроникъ поселился въ Энеѣ, гдѣ и пробылъ до смерти Мануила.

На престолъ возшелъ отрокъ, Алексѣй Порфирородный. Онъ былъ еще слишкомъ юнъ, чтобы интересоваться государственными дѣлами, и больше занимался играми и забавами. Государствомъ управляла мать Алексѣя или, точнѣе говоря, близко стоявшій къ ней племянникъ, Алексѣй Комнинъ. Послѣдній былъ постоянно

съ императрицей и постепенно забиралъ власть какъ надъ нею, такъ и надъ государствомъ. Молва ходила, что Алексѣй привлекаетъ къ себѣ дружбою и деньгами приближенныхъ, замышляетъ свергнуть царя съ престола и сдѣлаться обладателемъ его царства.

Положеніе дѣла становилось серьезнымъ. Приходилось выбирать между преступленіемъ и законностью, почестями и опалою. Большинство думало о себѣ и забывало о справедливости и законности.

Въ это-то время на сцену выступаетъ Андроникъ.

Пользуясь малолѣтствомъ царя, распутствомъ его матери и неограниченнымъ самовластіемъ приближеннаго къ ней Алексѣя Комнина, Андроникъ рѣшилъ добиться царскаго престола. Къ приведенію въ исполненіе своей затаенной и сокроенной мысли онъ приступилъ весьма тонко и хитро.

Исходной точкой его дѣяній было прекращеніе распутства императрицы и поднятіе имени и власти отрока-императора.

Андроникъ началъ съ того, что писалъ множество писемъ къ царю Алексѣю, епископу Θεοδοсію и ко всѣмъ приближеннымъ покойнаго царя Мануила, въ которыхъ онъ преувеличивалъ дурные слухи, распространяемые молвою насчетъ императрицы и ея возлюбленнаго, и высказывалъ притворное негодованіе, что Алексѣй Комнинъ не лишенъ власти и не поставленъ въ болѣе скромное положеніе. По его мнѣнію, отъ такого положенія дѣла грозила очевидная опасность царю Алексѣю, а вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаются крайне непріятные и неприличные слухи насчетъ имени царствующаго дома.

Его краснорѣчивыя и увлекательныя письма имѣли огромное вліяніе на современное лучшее общество. Его опытъ въ дѣлахъ государственныхъ, его воинскія доблести, его широкій умъ и образованіе, его преданность имперіи—представляли качества, чарующія гражданъ, почему въ лицѣ Андроника увидѣли теперь спасителя и охранителя царствующаго

щаго дома и интересовъ имперіи.

Поэтому Андроникъ скоро перешолъ отъ писемъ къ дѣлу. Онъ оставилъ Эней и направился къ столицѣ. Константинопольскіе вельможи убѣждали Андроника поспѣшить своимъ шествіемъ, увѣряя, что ему никто не станетъ на пути и не только не будутъ противодѣйствовать, но всѣ примутъ его съ радостными сердцами и распростертыми объятіями. Особенно-же рѣзко и энергично поддерживала и одобряла къ дѣйствию Андроника порфирородная сестра Алексѣя, кесарисса Марія, не любившая своей мачихи и не переносившая ея сожителя, Алексѣя Комнина.

Шествіе Андроника было триумфальнымъ шествіемъ. Это шествовалъ волкъ въ овечьей шкурѣ. Въ немъ видѣли поборника правды и представителя безкорыстія и доблести. Почти всѣ города его встрѣчали покорно, а жители съ почетомъ и торжествами.

Скоро все это дошло до свѣдѣнія Алексѣя Комнина и немало

его устрасило. Онъ посылаетъ къ Андронику посла съ письмомъ, въ которомъ обѣщаетъ ему множество даровъ, возведеніе на высшую степень почета и милость, если тотъ оставитъ свой замыселъ и возвратится на мѣсто своего жительства.

Андроникъ отвергъ предложеніе. Онъ отвѣтилъ посламъ, что онъ возвратится на свое мѣсто, но прежде пусть Алексѣй Комнинъ дастъ отчетъ въ своихъ незаконныхъ дѣлахъ. Пусть мать царя удалится въ уединеніе, и царь правитъ дѣлами согласно завѣщанію отца.

Вскорѣ царское войско и флотъ, высланные противъ Андроника, перешли на его сторону, и столица для Андроника стала открытой. Жители столицы безъ стѣсненія переходили на сторону Андроника. Его дѣти выпускаются изъ тюрьмы; его приверженцы дѣйствуютъ открыто,—а Алексѣй Комнинъ подвергается позору, поруганію и ослѣпленію.

Андроникъ у власти. Андроникъ на высотѣ величія. Андро-

никъ у престола, но не на престолѣ. Къ этому онъ подвигается неукоснительно, но крайне ловко и осторожно.

Во всемъ этомъ дѣлѣ Андроникъ проявляетъ дарованія великаго комедіанта. Прибывъ въ Константинополь, при встрѣчѣ съ юнымъ царемъ, Андроникъ падаетъ передъ нимъ на колѣни, обнимаетъ его ноги и, заливаясь слезами, рыдаетъ. Иное его отношеніе къ матери императора. Ее нужно уничтожить, унизить, стереть съ лица земли. И онъ это продѣлываетъ очень искусно. Въ задуманномъ планѣ Андроника царь-отроча не играетъ никакой роли. У власти стоитъ мать. Она есть главное препятствіе на пути овладѣнія престоломъ, и Андроникъ ее долженъ устранить, но устранить такъ, чтобы побѣдитель вышелъ съ честью и силою, а побѣжденный съ безчестьемъ и погибелью. Андроникъ все продѣлываетъ артистически. Императрица-мать опозорила царское имя. Она была угрозою царю-отрочати. Ее нужно уничтожить.

Ее надлежитъ устранить. Такъ и было. Съ нею Андроникъ высокомеренъ, надмененъ и гордъ.

Теперь Андроникъ, ставъ у трона, дѣйствовалъ такъ, какъ если-бы онъ былъ на тронѣ. Свое правленіе онъ началъ съ удаленія изъ дворца императрицы-матери. Онъ возводитъ на нее обвиненіе въ измѣнѣ. Въ лжесвидѣтеляхъ нѣтъ недостатка. Императрицу-мать заключаютъ въ тюрьму и лишаютъ жизни... Обнажившій мечъ отъ меча погибнетъ... Не лучше поступаетъ Андроникъ и съ главной своей пособницей, кесариссой Маріей, которая особенно хлопотала въ пользу Андроника и очищала ему путь въ Византію. Подкупленные люди отравили какъ ее, такъ и ея мужа.

Юному царю Андроникъ предоставилъ заниматься охотой и забавами съ тѣлохранителями, а на себя возложилъ заботы по государственнымъ дѣламъ. Чтобы стать ближе и крѣпче у престола, Андроникъ женить отрока-царя на дочери своей племянницы Θεодоры. Правда, этотъ бракъ пред-

ставлялъ слишкомъ близкое родство, но развѣ такой пустякъ для Андроника могъ служить остановкой?.. Противники этого брака среди духовенства были быстро устранены,—угодливыхъ-же людей всегда бываетъ въ избыткѣ.

Распоряжаясь государствомъ по собственному хотѣнію, Андроникъ возвелъ на важнѣйшія и почетнѣйшія мѣста своихъ дѣтей и людей, помогавшихъ ему въ его шествіи къ престолу, предшественниковъ-же по этимъ должностямъ однихъ изгналъ изъ государства, другихъ заключилъ въ темницы, третьихъ ослѣпилъ и лишилъ жизни. При такомъ положеніи дѣла важную роль стали играть доносы, клеветы и наущенія. Жизнь становилась крайне тяжелой и небезопасной. Явилось взаимное недовѣріе даже между ближайшими родственниками. «Мало того, что братъ не смотрѣлъ на брата, и отецъ бросалъ сына, если такъ угодно было Андронику, но они содѣйствовали предателямъ и съ ними устраивали погибель своего рода. Бы-

вало и такъ, что иные сами доносили на своихъ близкихъ, обвиняя ихъ въ томъ, что они издѣваются надъ дѣйствіями Андроника, или даже въ томъ, что они не признають власти Андроника. Бывали и такіе случаи, когда двѣ партіи дѣлали доносы другъ на друга и обѣ шли въ тюрьму».

Дѣло истребленія не ограничивалось врагами Андроника. Не сладко жилось и друзьямъ его. «Кому вчера онъ подносилъ лучшій кусокъ хлѣба, кому предлагалъ откормленнаго теленка, кого поилъ благовоннымъ цѣннымъ виномъ и включалъ въ кружокъ приближенныхъ, съ тѣмъ сегодня поступалъ злѣйшимъ образомъ. Не разъ случалось и такъ, что одинъ и тотъ-же человѣкъ, въ одинъ и тотъ-же день, былъ и вѣнчаемъ славою и обезглавливаетъ и проклинаямъ. Оттого-то многіе изъ приближенныхъ Андроника, люди съ умомъ проницательнымъ, принимали его одобреніе за начало опалы, награду какимъ-нибудь человѣческимъ добромъ считали предвѣстницей

потери имущества и благосклонность—знакомъ погибели».

Плохо было въ столицѣ, плохо было и въ провинціи. Правители областей разобрали — что такое Андроникъ и чего онъ домогается. Возникло неповиновеніе. Произошли междоусобія. Историкъ говоритъ, что «чего не коснулась рука иноплеменниковъ, то разрушено было рукою соотечественниковъ,—и единоплеменники, забывъ законы родства, воевали другъ съ другомъ совершенно по-варварски».

Все это нисколько не смущало, однако, Андроника. Конечная цѣль у него была ясная и опредѣленная, и если онъ къ ней шолъ не прямымъ путемъ, то это показываетъ въ немъ только твердую увѣренность въ успѣшномъ достиженіи ея.

А пути у Андроника къ достиженію трона были слишкомъ окольные. Прежде всего онъ предложилъ Алексѣю короноваться самодержцемъ. Въ этомъ торжествѣ вѣнчанія Андроникъ лично поднималъ Алексѣя на плечи

на глазахъ многихъ тысячъ народа, стекшагося со всѣхъ сторонъ, и опять такимъ-же образомъ вынесъ его обратно. Слезы умиленія, радости и благоговѣнія текли ручьями изъ глазъ Андроника. Казалось, онъ любилъ Алексея больше отца родного и былъ правой рукой для юной царственной отрасли. Но это были слезы крокодила и ласка волка съ ягненкомъ.

Однако, Андронику надоѣло стоять у трона. Онъ желалъ возсѣдать на тронѣ. И вотъ онъ задумалъ коронованіе. Нѣкоторые изъ его приверженцевъ, разумѣется, съ его согласія и одобренія, внесли въ государственный совѣтъ заявленіе о народномъ возстаніи въ различныхъ частяхъ государства. При этомъ они добавляли, что для подавленія возстанія представляется только одно средство—провозглашеніе царемъ Андроника. «Мятежниковъ не иначе можно будетъ усмирить, какъ если Андроникъ, возсѣвши на украшенный драгоценными камнями престолъ, возложить на

себя царскую діадему и будетъ самодержавствовать вмѣстѣ съ несовершеннолѣтнимъ царемъ, вникая въ потребности и выполняя предначертанія съ большею силою и полномочнѣйшею властью».

Андроникъ, разумѣется, притворился, что все это дѣлается не только безъ его вѣдома, но и противъ его желанія. Тѣмъ не менѣе, подчиняясь общему желанію и даже требованію членовъ совѣта, онъ долженъ былъ согласиться на избраніе. А тѣ дѣйствительно вопили, что это ихъ давнишнее желаніе, что теперь не время долѣе откладывать и что они готовы даже употребить силу, если ихъ доводы не будутъ имѣть успѣха.

Подъ вліяніемъ такого настроенія, провозглашено было многолѣтіе двумъ царямъ и пропѣто было «Алексѣю и Андронику, великимъ царямъ и самодержцамъ римскимъ, Комнинымъ, многая лѣта...»

Алексѣй, видя всеобщее настроеніе, началъ въ свою очередь просить Андроника раздѣлить съ

нимъ власть, такъ-какъ онъ этого давно желалъ.

Андроникъ отпирался. Тогда болѣе горячіе приверженцы схватили его и посадили на золотканное ложе, на которомъ возсѣдалъ царь; другіе сняли съ него темную пирамидальную шапку и возложили на его голову золотую повязку,—а третьи облекли его въ царскія одежды.

Когда на слѣдующій день въ церкви должно было провозгласить имена царей, то порядокъ упоминовенія былъ измѣненъ: имя Андроника провозглашено было первымъ, а имя Алексѣя — вторымъ,—«ибо не подобаетъ ребенка, человѣка еще не достигшаго совершеннаго возраста и безбородаго, упоминать прежде Андроника, сѣдовласаго, внушающаго почтеніе своею мудростію и одареннаго отъ природы обширнымъ умомъ».

При вѣнчаніи на царство, Андроникъ вновь разыгрываетъ сцену волка въ овечьей шкурѣ. Подходя къ принятію святыхъ даровъ, Андроникъ поднимаетъ руки

кверху и во всеуслышаніе клянется святыми тайнами, что онъ принялъ царскую власть единственно изъ желанія помочь Алексѣю и поддержать его власть.

Итакъ Андроникъ на престолѣ.

Но ему тѣсно вдвоемъ. Престолъ долженъ быть подножіемъ одного лица, какъ и власть—нераздѣльною. Его клеветы это отлично понимаютъ и потому въ совѣтѣ громогласно заявляютъ: «многоначіе вредно, да будетъ одинъ повелитель, одинъ царь!»

Рѣшеніе совѣта вскорѣ было приведено въ исполненіе. Алексѣй, былъ удушенъ пятнадцати лѣтъ отъ роду.

Андроникъ остался единодержавнымъ.

Тогорятъ, что когда Андронику принесли тѣло удушеннаго Алексѣя, то онъ толкнулъ его ногою въ бокъ и обругалъ его родителей, назвавъ отца клятвопреступникомъ, а мать—безстыдною женщиною.

Сдѣлавшись единодержавнымъ, Андроникъ обращается къ совѣту епископовъ съ просьбой—ос-

вободить его отъ клятвы, данной царю Мануилу и царю Алексѣю. Разумѣется, разрѣшеніе было дано, и цареубійца былъ освобожденъ отъ клятвопреступленія.

Вслѣдъ за симъ Андроникъ женился вновь на вдовѣ, женѣ убитаго царя Алексѣя, которая въ это время была совершенной дѣвочкой. Что привлекало Андроника къ этому поступку—желаніе-ли имѣть за собою побольше правъ на царское положеніе, или же его привлекала юная дѣвственность Анны—трудно сказать. Но Андроникъ пожелалъ этого — и совершилось.

Казни, лишенія жизни, тюремныя заключенія и ослѣпленія шли широкою стезею. Гибли преимущественно люди великаго ума, воинскихъ доблестей и государственнаго мужества.

Но и этого стало мало Андронику. Его кровожадность не удовлетворялась гибелью отдѣльных лицъ. Андроникъ захотѣлъ погубить цѣлые города. Какъ Клинъ, Тверь и Новгородъ, при Юаннѣ Грозномъ, представили собою без-

винное море крови, такъ Андроникъ захотѣлъ крови Никеи, Прузы и Лопадіи.

Послѣ продолжительнаго сопротивленія, никейцы должны были сдаться. Чтобы умиловить звѣря, епископъ Николай облачился въ святительскія одежды, взялъ въ руки евангеліе и приказалъ всему клиру и народу слѣдовать за нимъ. Всѣ шли совершенно безоружными, съ масляными вѣтвями въ рукахъ, съ непокрытыми головами, босые, съ обнаженными отъ платья руками, со всѣми проявленіями истинной покорности, и печальнымъ видомъ и тихимъ голосомъ умоляли о состраданіи.

Сердцу Андроника состраданіе было чуждо. Онъ радовался такому обороту дѣла. Затаивъ на время свою кровожадность, онъ притворился милостивымъ и едва даже не прослезился, что, собственно говоря, являлось у этого крокодила довольно опаснымъ признакомъ.

Вскорѣ, однако, Андроникъ показалъ себя никейцамъ, уничто-

живъ всѣхъ, кто только отличался достоинствами, знатностью рода и воинскими доблестями. Однихъ изъ нихъ онъ изгналъ изъ отечества, другихъ предалъ жестокой смерти, приказавъ сбросить со стѣны, третьихъ повѣсилъ вокругъ города.

Гораздо ужаснѣе было поступлено съ Прузою. Прузійцевъ безпощадно умерщвляли, расхищали ихъ имущество и умерщвляли скотъ. Знатныхъ людей Андроникъ жестоко казнилъ: однимъ отрубилъ руки, другимъ отрѣзалъ пальцы, а инымъ отнялъ ноги. Многіе лишились глазъ и рукъ,—были и такіе, которые потеряли правый глазъ и лѣвую руку, или—наоборотъ.

Льва Сенестія, Мануила Лахату и сорокъ другихъ знатныхъ вельможъ Андроникъ повѣсилъ вокругъ Прузы на деревьяхъ. Θεодора Ангела, юношу, велѣлъ ослѣпить, посадить на осла и, удаливши за римскую границу, пустить на волю, на съѣденіе звѣрей.

Точно такимъ-же образомъ онъ

поступилъ и съ жителями Лопадін.

Возвратившись изъ столь успѣшнаго похода, Андроникъ принялся вновь за казни въ Константинополѣ. Приэтомъ онъ не щадилъ своихъ приверженцевъ, отдавъ на растерзаніе народа Константина Макродуку и Андроника Дуку; спустя-же нѣкоторое время, онъ повѣсилъ двухъ братьевъ Севастьяновъ, несмотря на то, что они преданы были ему всей душой и не совершили никакого преступленія.

Наконецъ, одинъ изъ ближайшихъ людей Андроника, нѣкто Трипсихъ, человѣкъ искренно любившій Андроника и всей душой ему преданный, по доносу, былъ обвиненъ въ оскорбленіи царскаго рода и ослѣпленъ.

Теперь-то жители Константинополя пришли въ отчаяніе, не зная какъ поступить, чтобы оградить себя отъ несчастія. Такой страхъ нападалъ нетолько на тѣхъ, кто чувствовалъ за собою какую-либо вину, но и на людей совершенно неповинныхъ.

Когда Андроникъ предавался такимъ лютостямъ, истребляя и истязая какъ враговъ, и такъ своихъ приверженцевъ, счастье начало отъ него отворачиваться.

Неудача прежде всего постигла его въ войнѣ съ непріятелемъ. Какъ была гибельна и неудачна война Іоанна Грознаго съ польскою ратью, такъ точно Андроникъ теперь началъ нести потери въ войнѣ съ сицилійцами.

Собравъ многочисленное сухопутное и морское войско, сицилійцы напали на Ѳессалоники. Долго Ѳессалоникійцы выносили осаду, отбивали приступы, дѣлали вылазки, сопротивлялись нападеніямъ... но все напрасно. Отъ царя, занятаго своими личными дѣлами, помощи не было. Ѳессалоники сдались. Жители были перебиты, имущество ихъ — разграблено. Андроникъ-же обратилъ весь свой гнѣвъ на родственниковъ бывшего военачальника города, схватилъ и заключилъ ихъ въ темницу. Вслѣдъ за симъ стали приходить вѣсти одна печальнѣе другой: то непріатель

взялъ Амфиполь, то опустошилъ его окрестности, то занялъ Мосинополь и проч. Все это, однако, очень мало волновало Андроника. Его разсудокъ помутился, его властолюбіе притупилось. Онъ весь отдался кровожадности и сластолюбію. «Часто онъ оставлялъ городъ и съ толпой блудницъ и наложницъ проводилъ время въ уединенныхъ мѣстахъ, любилъ забираться, подобно звѣрямъ, въ расщелины горъ и въ прохладныя рощи и водилъ за собою любовницъ... Своимъ придворнымъ, и то самымъ приближеннымъ, онъ показывался только въ опредѣленные дни,—а пѣвицамъ и блудницамъ у него всегда былъ открытый доступъ: ихъ онъ принималъ во всякое время. Нѣгу и роскошь онъ любилъ подобно Сарданапалу. Онъ былъ эпикурейцемъ и человѣкомъ крайне развратнымъ, до неистовства преданнымъ сладострастію. Подобно Геркулесу, растлившему пятьдесятъ дочерей одного только Оіеста, онъ не уступалъ и ему въ этомъ отношеніи и для

усиленія своихъ жизненныхъ способностей прибѣгалъ къ пособію различныхъ мазей и изысканныхъ снадобій для укрѣпленія себя...»

Андроникъ имѣлъ и свою опричинину. «Живя во дворцѣ, онъ имѣлъ при себѣ немало тѣлохранителей — варваровъ и людей крайне негодныхъ, которые не знали никакого подчиненія... Постельники и привратники также всегда выбирались изъ такого-же дикаго народа. Наконецъ, онъ завелъ у себя злую собаку, которая могла бороться со львами и опрокинуть вооруженнаго всадника. Тѣлохранители и стражи обыкновенно спали ночью гдѣ-нибудь вдали отъ спальни, а собака привязывалась къ дверямъ...»

День, когда Андроникъ возвращался, послѣ своихъ распутныхъ увеселеній, въ городъ, нельзя было назвать счастливымъ днемъ, такъ-какъ онъ возвращался только за тѣмъ, чтобы губить и рѣзать людей, которыхъ подозрѣвалъ въ злоумышленіи противъ себя. И дѣйствительно, возвращеніе Андроника въ городъ

сопровождалось для очень многих скорбями, лишеніями и потерю жизни. Онъ считалъ для себя тотъ день погибшимъ, когда онъ не захватилъ, или не ослѣпилъ какого-нибудь вельможу, или по меньшей мѣрѣ не оскорбилъ, или не привелъ въ ужасъ кого-нибудь. Пощады не было и женщинамъ. Многія и изъ нихъ подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ и голоду, заключены были въ темницу и ослѣплены.

Гдѣ царятъ кровожадность, развратъ, прелюбодѣяніе и безвѣріе, тамъ всегда рука объ руку идутъ суевѣріе и гаданіе. То-же было и съ Андроникомъ. Видя военныя неудачи и озлобленіе своихъ подданныхъ, Андроникъ пожелалъ знать будище и для этого не погнушался обратиться «къ нечистымъ демонамъ» и при ихъ содѣйствіи узнать будущее,—главнымъ-же образомъ разрѣшить вопросъ о томъ, кто будетъ его преемникомъ.

Будучи властолюбивъ и жестокъ отъ природы и по существу, Андроникъ во многомъ слѣ-

доваль также жестокимъ совѣтамъ и неблагоразумнымъ наущеніямъ своихъ приближенныхъ. Андроникъ имѣлъ своего Малюту Скуратова, въ лицѣ Агіохристора, который былъ не только одинаковъ по натурѣ съ Андроникомъ, но едва-ли даже и не превосходилъ его.

Андроникъ, видя, какъ съ одной стороны его владѣнія уменьшаются отъ завоеваній сосѣдями, а съ другой, какъ граждане мало-по-малу начинаютъ говорить свободнѣе и склоняются къ мятежу,—по совѣту Агіохристора и другихъ приближенныхъ, рѣшился на совершенно безразсудный поступокъ. Онъ рѣшился прежде всего погубить всѣхъ заключенныхъ въ тюрьмахъ, однимъ отрубивъ голову, другихъ бросивъ въ море и третьихъ погубивъ мечемъ.

Но этимъ дѣло не ограничилось. Истребивъ заключенныхъ, онъ дѣлалъ только половину дѣла. Нужно было уничтожить и ихъ родныхъ, дабы не оставалось недовольныхъ.

Для этого Андроникъ прибѣгаетъ къ слѣдующему приему. Онъ созываетъ совѣтъ, разумѣется, изъ своихъ прислужниковъ, и докладываетъ имъ, что враги его не даютъ ему покоя. Желая его извести и не имѣя къ тому никакихъ средствъ внутри государства, они призвали внѣшнихъ враговъ, выдали имъ государственныя тайны и теперь всѣми силами имъ помогаютъ. Въ виду этого, онъ проситъ своихъ совѣтниковъ указать ему мѣры и средства, коими-бы онъ могъ избавиться отъ этого зла.

Тогда всѣ совѣтники, возвысивъ голосъ, единогласно возопили, что этихъ людей, не щадя никого, слѣдуетъ стереть съ лица земли. Тогда-то рѣшено было погубить не только заключенныхъ въ темницы, но ихъ родственниковъ и приверженцевъ.

Немедленно этотъ приговоръ занесенъ былъ на бумату, причемъ начинался слѣдующими достопримѣчательными словами: «По внушенію Божію, а не по повелѣнію державнаго и святого

государя и императора нашего, опредѣляемъ и объявляемъ, что для государства и, въ частности, для блага Андроника, спасителя римлянъ, необходимо совершенно уничтожить тѣхъ дерзкихъ крамольниковъ, которые содержатся въ темницахъ или отправлены въ ссылку, равно какъ захватить и предать смерти всѣхъ ихъ приверженцевъ и родственниковъ...»

Не правда-ли, какъ напоминаетъ этотъ поступокъ Іоанна Грознаго, получающаго порученіе отъ собора казнить всѣхъ вельможъ - крамольниковъ для блага Россіи и ея повелителя? Самъ Андроникъ ни причемъ тутъ, — это совѣтъ приговариваетъ крамольниковъ къ смерти, — онъ-же является только исполнителемъ его воли. За симъ слѣдуетъ списокъ лицъ, составленный Агіохристофоритомъ, которыхъ надобно было схватить и умертвить, — обозначался и самый родъ смерти, какому каждый долженъ подвергнуться.

Этотъ письменный документъ въ послѣдствіи, однако, все-таки

сослужилъ службу Андронику, хотя и не спасъ его отъ гибели.

Насколько предпринимаемое Андроникомъ дѣло было безчеловѣчно и жестоко, усматривается уже изъ того, что отъ исполненія его отказался даже родной сынъ Андроника, Мануиль, заявивъ, «что онъ не намѣренъ выполнять дѣло, которое, какъ заявляютъ сами судьи, совершается не по царскому велѣнію». Да и кромѣ того, онъ никакъ не можетъ одобрить опредѣленіе, которое осуждаетъ на смерть почти всю римскую имперію и не только истребляетъ природныхъ римлянъ, но не мало губить и иноплеменниковъ. Вѣдь это убійство продолжится до безконечности, если изъ-за одного будутъ хватать и умерщвлять другого, потому-что и этотъ другой не безъ родни и не отъ дуба родился, а имѣетъ отца, мать и близкихъ родныхъ...

Дѣло доведено было уже до крайнихъ предѣловъ и грозило поголовнымъ истребленіемъ государства. Быть можетъ, оно и

приведено было-бы въ исполненіе, но приверженцы Андроникаслишкомъ уже натянули удила, а Милота Скуратовъ испортилъ все дѣло.

Мы сказали раньше, что Андроникъ, забывъ Бога, обратился къ гадателямъ. Изъ гаданій оказалось, что пріемникомъ Андроника будетъ лицо по имени Исаакъ. Подозрѣніе пало на Исаака Комнина. Но Агіохристофоритъ проявилъ въ этомъ дѣлѣ усердіе не по разуму. Повидимому, онъ рѣшилъ, какъ Иродъ, царь іудейскій, — истребить всѣхъ Исааковъ и съ этою цѣлью прежде всего накинулъ на Исаака Ангела.

Видя неминуемую гибель, Исаакъ Ангель въ отчаяніи бросается на Агіохристофорита и разсѣкаетъ его мечемъ, а затѣмъ спасается въ храмъ. Сюда начали собираться тысячи недовольныхъ, ставшихъ на сторону Исаака Ангела и противъ Андроника.

Между тѣмъ Андроникъ медлилъ принятіемъ мѣръ. Толпа провозгласила Исаака императоромъ и вѣнчала его вѣнцомъ

Константина Великаго на царство.

Участь Андроника была рѣшена. Сначала онъ пытался защищаться силою; но защита оказалась слишкомъ ничтожной и несостоятельной. Тогда онъ прибѣгаетъ къ переговорамъ, объявляя, что онъ отказывается отъ царства и передаетъ его своему сыну.

Но толпа почуяла кровь, бросилась на ворота дворца и начала ломать ихъ.

Андроникъ бѣжалъ, захвативъ съ собою двухъ женщинъ—Анну, бывшую жену Алексѣя, и любовницу Марантику. Однако, его поймали, заключили въ тюрьму, наложили на него тяжелыя цѣпи и заковали въ кандалы. Когда въ такомъ видѣ Андроника привели къ Исааку, то его осыпали ругательствами, били по щекамъ, толкали, щипали бороду, вышибли зубы и рвали на головѣ волосы.

Засимъ Андроникъ былъ отданъ на всеобщее поруганіе. Надъ нимъ издѣваются и бьютъ его кулаками по лицу — даже жен-

щины, особенно тѣ, чьи мужья пострадали, изливаютъ на немъ свою месть. Наконецъ, ему отрубили правую руку и снова бросили его въ тюрьму, гдѣ онъ оставался безъ пищи и безъ платья. Спустя нѣсколько дней ему выкололи лѣвый глазъ и съ торжествомъ водили по площади. Жалкое то было зрѣлище, исторгавшее слезы изъ кроткихъ глазъ. Но не таково была константинопольская чернь, чтобы разжалобиться... Съ бессмысленнымъ гнѣвомъ и въ безотчетномъ увлеченіи она напала на Андроника, и не было того издѣвательства, котораго она-бы ему не сдѣлала. Одни били по головѣ палками, другіе рвали ему ноздри, третьи пачкали лицо... Нѣкоторые поносили безстыдными словами его мать и отца, иные кололи ему рожнами въ бокъ, третьи бросали въ него камнями. Одна женщина схватила горшокъ съ кипяткомъ и вылила Андронику на голову. Обезчестивъ, осмѣявъ и вдоволь истязавъ, несчастнаго повѣсили между двухъ столбовъ,

вверхъ ногами. Чернь не оставила его даже въ этомъ положеніи безъ поруганія. Его разсѣкли мечемъ, рвали части тѣла, пронзали насквозь мечами и копьями, пока несчастный не испустилъ духъ...

Таковъ былъ конецъ жестокаго, распутнаго и кровожаднаго Андроника.

Справедливость требуетъ, однако, упомянуть, что при всѣхъ своихъ отталкивающихъ и непріятныхъ качествахъ, Андроникъ не лишенъ былъ и нѣкоторыхъ добрыхъ свойствъ характера.

Подобно Іоанну Грозному, Андроникъ былъ истребителемъ высшаго сословія и людей выдающихся, но по отношенію къ людямъ бѣднымъ онъ былъ добръ и нерѣдко одѣлялъ ихъ щедрыми подаваніями. Онъ настолько обуздывалъ хищничество намѣстниковъ и стѣснялъ ихъ жадныя до чужого руки, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его имперіи народонаселеніе значительно увеличилось. Отъ одного имени Андроника разбѣгались алчныя сборщики податей. Оно было страш-

нымъ пугаломъ для всѣхъ, кто требовалъ сверхъ должнаго. Отъ его имени цѣпенѣли и опускались руки, которыя прежде привычны были ко взяткамъ и лихоимству. Андроникъ не продавалъ должностей и назначалъ богатое содержаніе правителямъ...

Андроникъ былъ доступенъ для всѣхъ, кто приходилъ жаловаться на самоуправство и насиліе, не разбиралъ лицъ и не отнималъ права у того, за кѣмъ оно было. Наравнѣ съ простыми онъ призывалъ и людей знатныхъ по роду и богатству, тѣхъ и другихъ внимательно выслушивалъ, и если оказывалось, что человѣкъ гордый и считающій для себя безчестьемъ судиться съ бѣднякомъ, обижалъ или тѣснилъ его, то Андроникъ жестоко его наказывалъ.

Вотъ одинъ изъ его приказовъ: «Истинный князь лжи, ты, глупый мой Синесій, и ты, продажный Лахана! Дошло до моего царскаго слуха, что вы много дѣлали обидъ; такъ перестаньте обижать, или проститесь съ жизнію.

Что вы обижаете — это Богу не угодно и мнѣ, Его рабу, не сносно...»

Андроникъ весьма высоко цѣнилъ философію, одобрялъ краснорѣчивыхъ ораторовъ и чрезвычайно уважалъ искусныхъ проповѣдниковъ.

Строго разбирая жизнь Андроника Комнина, мы находимъ въ ней тѣ-же элементы, что и въ жизни Іоанна Грознаго. Здѣсь мы видимъ ту-же неустойчивость, ту-же страсть къ подвижности, ту-же потребность къ различнаго рода похожденіямъ, ту-же жестокость и кровожадность, тѣ-же стремленія къ уничтоженію рода человѣческаго, ту-же подозрительность и недовѣріе, то-же распутство и разнузданность, — тѣ-же лживость и ханжество, — словомъ почти тѣ-же элементы душевныхъ проявленій, что у Іоанна Грознаго, — и рядомъ съ этимъ жизнь нормальную, ставящую его нетолько наряду съ современниками, но даже далеко выше ихъ...

